

Н. С. ПОСПЕЛОВ

В ЗАЩИТУ КАТЕГОРИИ СОСТОЯНИЯ

Вопрос о грамматических признаках категории состояния как особого лексико-грамматического разряда знаменательных слов, отличного от наречий, имен прилагательных и глаголов, до настоящего времени является вопросом недостаточно выясненным. По определению В. В. Виноградова, «под категорию состояния подводятся несклоняемые и наречные слова, которые имеют формы времени (для прошедшего и будущего времени аналитические, образованные посредством присоединения соответствующих форм связки *быть*) и употребляются только в функции сказуемого»¹. Согласно этому определению, основным морфологическим признаком слов категории состояния являются собственные им формы времени, а единственным их синтаксическим признаком — употребление их в функции сказуемого.

В курсе лекций МГУ в качестве самого постоянного и неизменного грамматического признака слов категории состояния указывается их «...синтаксическая функция — быть присвязочным членом в структуре именного сказуемого...»²; отмечаются и другие синтаксические признаки: то, что категория состояния «никаких слов не определяет», не согласуется, не управляется и, относясь к субъекту, «употребляется с субъектом только в дательном падеже». Что же касается морфологических признаков слов данной группы, то как «наиболее яркий грамматический признак» указывается их неизменяемость. Формы же времени не рассматриваются как формы слов категории состояния, так как они «имеются лишь у связки, с которой сочетаются слова категории состояния», хотя в то же время и утверждается, что «связка стала характерной приметой слов категории состояния» и их «отстоявшимся синтаксическим признаком»³. Таким образом, морфологическое своеобразие категории состояния, по существу, отрицается, так как неизменяемость, которая приписывается безлично-предикативным словам данной категории, не отличает их от наречий⁴.

¹ В. В. Виноградов, Русский язык, М.—Л., 1947, стр. 401.

² «Современный русский язык. Морфология. (Курс лекций)», [М.], 1952, стр. 397 (глава «Категория состояния», написанная проф. Е. М. Галкиной-Федорук).

³ Там же, стр. 398. В более ранней статье Е. М. Галкиной-Федорук в качестве вполне отстоявшейся формальной приметы категории состояния указывалась «...невозможность соединиться не с каким-либо личным глаголом, а только со связкой...» (Е. М. Галкина-Федорук, Безличные предложения с безлично-предикативными словами на «о», «Труды кафедры русского языка [МГУ]», кн. 1, М., 1948, стр. 77).

⁴ К этому выводу последовательно приходит О. К. Балишвили, рассматривая «категорию состояния» как лексико-семантическую категорию в составе прилагательных и наречий, употребляемых в предикативной функции (О. К. Балишвили, Вопрос о категории состояния в русском языке. Автореферат канд. дисс., Тбилиси, 1952, стр. 7, 13, 16).

С другой стороны, при расширении «категории состояния» до понятия «предикатива», как это имеет место у А. В. Исаченко¹, в этот лексико-грамматический разряд слов включаются не только модальные предикативы (*надо, можно, нельзя* и т. п.), предикативы состояния и чувственного восприятия (*стыдно, весело, видно*), предикативы, восходящие к именам существительным (типа *пора, жаль*), но и местоименные предикативы (*ничего, некого, некогда*), и предикативы наличия чего-либо (*есть, нет*). Но при таком широком толковании «категория состояния» утрачивает свою морфологическую и конструктивную определенность, так как в ее состав войдут и склоняемые слова с местоименным значением (*ничего, некого*), и местоименные наречия (*некогда, некуда*), конструктивно зависимые от глагола в неопределенной форме, и глагольные по своему происхождению образования (*есть, нет*), не утратившие еще морфологической соотносительности с полнозначными глаголами бытия *было* и *будет*.

Все подобные слова, действительно, являются «предикативами», поскольку им присуща синтаксическая функция сказуемого, но они не образуют особой части речи, потому что в плане грамматического учения о слове они не имеют объединяющих их морфологических признаков, отличных от местоимений, наречий и глаголов. Что же касается слов категории состояния, то они образуют особую часть речи не потому, что выступают в синтаксической функции сказуемого, а потому, что им присущи специфические для них аналитические формы выражения грамматических категорий времени и наклонения, причем связка или ее значимое отсутствие является необходимым компонентом такой аналитической формы. Именно благодаря наличию грамматического выражения категорий времени и наклонения слова из категории состояния объединяются с краткими прилагательными и глаголами и противопоставляются всем другим частям речи, не имеющим определенного значения: именам существительным, прилагательным в их основном составе полных форм, наречиям, местоимениям и числительным². Поэтому анализ грамматических признаков и конструктивных свойств слов из категории состояния на конкретном языковом материале является весьма актуальной задачей исследования грамматического строя русского языка.

В настоящей статье автор и ставит своей задачей сделать некоторые наблюдения над грамматическими признаками слов категории состояния, указанными В. В. Виноградовым, но недостаточно раскрытыми в его книге «Русский язык». Первое, на что необходимо обратить внимание, это то, что слова категории состояния, в отличие от наречий, вовсе не являются в строгом смысле этого понятия неизменяемыми словами. Им свойственно грамматическое различие форм времени и (в более ограниченном объеме) наклонения, и они всегда выступают в определенных формах времени и наклонения. Но, в отличие от спрягаемых форм глагола, слова категории состояния выражают грамматические значения прошедшего и будущего времени аналитически, посредством связки, являющейся в данном случае не отдельным служебным словом, а только необходимым компонентом аналитической формы слов данного лексико-грамматического разряда³. При этом отсутствие связки при выражении

¹ А. В. Исаченко, Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология, ч. I, Братислава, 1954.

² Ср. мою статью «Соотношение между грамматическими категориями и частями речи» (ВЯ, 1953, № 6, стр. 61—63).

³ Л. В. Щерба считал формальными признаками слов категории состояния их неизменяемость и употребление со связкой. Но именно потому, что он не вскрыл в связке компонента аналитически изменяемой формы, категория состояния не представил-

настоящего времени оказывается значимым, и формы с подобным значением тоже являются потенциально аналитическими, как осложненные нулевыми показателями времени и наклонения (ср. *холодно* и *было*, *будет холодно*).

Настоящее время в бессвязочных формах категории состояния (*холодно*, *жарко*, *стыдно* и т. п.) устанавливается как их грамматическое значение в соответствии с парадигматическим соотношением данных форм с формами прошедшего или будущего времени, конструируемыми посредством связки: *было холодно*, *будет жарко*, *стыдно было* и т. п. В этом основное структурное отличие слов данной категории от наречий, которые действительно являются неизменяемыми. Таким образом, в отличие от наречий, слова категории состояния характеризуются определенной парадигматической схемой¹, определенной закономерностью грамматических изменений, образующих систему грамматических форм времени и наклонения — то, что А. Г. Шанидзе называет скривой или рядом². Слова категории состояния, так же как и глаголы, выражая то или иное грамматическое время, тем самым выражают и изъявительное наклонение. Кроме изъявительного наклонения, слова категории состояния могут иметь аналитически выраженные формы сослагательного наклонения (например, *Ему стыдно было бы так думать*; *Надо бы ему об этом сказать*). В плане грамматической характеристики слов категории состояния особенно важно подчеркнуть, что они, в отличие от глагола, не могут выражать побуждения к действию в форме повелительного наклонения.

Включаемые иногда в состав категории состояния слова *рад*, *горазд*, *прав*, *должен* и т. п. не отличаются парадигматически (они имеют синтетические формы рода и числа) от обычных кратких форм имен прилагательных и в их составе образуют непродуктивную группу, потерявшую соотношение с полными формами имен прилагательных³. В отличие от основного массива слов категории состояния, немногочисленные подобные слова допускают аналитическое образование форм повелительного наклонения: *будь рад*, *горазд* и т. п. От спрягаемых форм глагола и кратких форм прилагательного⁴ слова категории состояния отграничиваются и тем, что не имеют грамматического изменения в лице, этой базы глагольного спряжения. Слова категории состояния — и в этом коренное отличие их от глаголов и кратких прилагательных — являются не предикативными словами вообще, а «безлично-предикативными словами», которые могут употребляться или бессубъектно, или с дательным субъекта в качестве конструктивно необходимого дополнения, или с инфинитивом для выражения действия, приписываемого субъекту. Это сближает их с

лась ему яркой и убедительной категорией в русском языке (см. Л. В. Щербачева, О частях речи в русском языке, сб. «Русская речь», Новая серия, II, Л., 1928, стр. 17).

¹ О парадигматической схеме, характеризующей знаменательное слово как определенную часть речи, см. А. И. Смирницкий, К вопросу о слове. (Проблема «тождества слова»), «Труды Ин-та языкознания [АН СССР]», т. IV, М., 1954, стр. 20.

² См. А. Г. Шанидзе, Категория ряда в глаголе. Общие вопросы формообразований глаголов на примерах грузинского языка, «Известия Ин-та языка, истории и материальной культуры [АН Груз. ССР]», т. X, Тбилиси, 1941.

³ Как правильно отмечает О. К. Балишвили, краткие прилагательные *рад*, *горазд* представляют собой реликтовые слова, границы употребления которых в языке все время суживаются, что особенно наглядно прослеживается на прилагательном *горазд* (О. К. Балишвили, указ. автореферат, стр. 10).

⁴ Мнение, что краткие формы прилагательных являются спрягаемыми формами, было, как известно, высказано Востоковым и обосновано Шахматовым (см. А. А. Шахматов, Очерк современного русского литературного языка, 4-е изд., М., 1941, стр. 176—177).

безличными глаголами и с «глагольными предикативами», выражающими отрицание наличия чего-либо: *нет времени, не было возможности, не будет поезда, не было бы грозы* и т. п. Но от тех и других безлично-предикативных образований слова категории состояния отличаются аналитическим выражением форм времени и наклонения.

Так же, как и «глагольные предикативы», слова категории состояния (и в этом их основное грамматическое отличие и от кратких прилагательных, и от наречий) не являются названиями признака чего-либо, и поэтому они ни к чему не прилагаются и ни к чему не примыкают. Однако это не лишает их специфической для них грамматической сочетаемости со словами других лексико-грамматических разрядов. В строе предложения они управляют дательным падежом личного местоимения или имени существительного и могут сочетаться с инфинитивом и раскрывать свое конкретное содержание в зависимых от них придаточных предложениях, связанных с ними пояснительной синтаксической связью.

Именно эта характерная для слов категории состояния грамматическая сочетаемость и свойственное им грамматическое изменение времени и наклонения объединяют слова данной категории с глаголами, особенно безличными (*кажется, хочется*), и некоторыми непродуктивными группами кратких прилагательных (*рад, готов* и т. п.) и отделяют их от наречий как неизменяемой части речи. Необходимо в теоретическом плане отграничивать слова категории состояния и от предикативных наречий, входящих в состав сказуемого в сочетании с вспомогательными глаголами (например, *становилось холодно; стало темно*).

Предикативные наречия являются только первой ступенью в формировании слов категории состояния как особой части речи. Самый процесс перехода предикативных наречий в категорию состояния разъясняется В. В. Виноградовым следующим образом: «Превращение... глагола *быть* в отвлеченную связку усиливало „предикативность“ наречий. В сочетании *совестно было* слово *совестно* уже не могло осознаваться как наречие к глаголу *было*. Оно сливалось со связкой-морфемой *было* в одну составную грамматическую форму, форму прошедшего времени от слова *совестно*. Но такое употребление наречий не мирилось с их функцией качественного и обстоятельственного отношения (ср. также развитие аналогичных процессов в сочетаниях кратких имен прилагательных со связкой). Ослабление и выветривание в связке *быть* лексических значений глагола приводило к переходу „предикативных наречий“ в категорию состояния»¹.

Следует при этом отметить, что новое грамматическое качество слов категории состояния находит себе выражение и в ином положении слов категории состояния в структуре сказуемого. Если предикативные наречия входят в состав сказуемого в качестве зависимых его членов, примыкающих к вспомогательному глаголу, то слова категории состояния представляют собою ядро, основную часть аналитической формы сказуемого, в состав которой связка входит только как грамматический показатель определенного времени и наклонения (в *совестно было* — прошедшего времени изъявительного наклонения).

Предикативные наречия, объединяясь в составе сказуемого с вспомогательными глаголами прошедшего времени несовершенного или совершенного вида (*становилось, стало*), в безличной их форме удерживают при этом лексико-грамматическое значение отдельного слова, обозначающего конкретный признак обобщенного действия, выражаемого вспомогательным глаголом.

¹ В. В. Виноградов, Русский язык, стр. 415.

Вот несколько характерных примеров из произведений Чехова.

«— Становится свежо, — сказала Ольга Ивановна и вздрогнула («Попрыгунья»); «Становилось грустно, когда они цели» («В родном углу»); «Без самовара в избе Чикильдеевых стало совсем скучно» («Мужики»); «— Сейчас пройдет... — прошипел Пантелей, садясь. — Потихонечку стало» («Степь»); «По лужам протянулись ледяные иглы, и стало в лесу неуютно, глухо и нелюдимо» («Студент»).

Связочная функция вспомогательного глагола в конструкции с предикативными наречиями выступает отчетливее при наличии в предложении дополнения в дательном падеже с значением субъекта — носителя состояния, выражаемого предикативным наречием в сочетании с вспомогательным глаголом.

Вот ряд примеров:

«Ей становилось совестно и стыдно своих чувств» (Тургенев, Накануне); «Базарову стало досадно» (Тургенев, Отцы и дети); «Одиной стало и страшно, и жалко его» (Тургенев, Отцы и дети); «Совестно стало ему перед доброю, смешною, благородною старушкой» (Тургенев, Дым); «Грише стало горько» (Чехов, Кухарка женится); «Егорушке стало скучно возле него» (Чехов, Степь).

При наличии дательного субъекта вспомогательный глагол, выполняя функцию связки, перестает быть основным компонентом составного сказуемого и предикативное наречие становится главным членом в составе сказуемого. Однако вспомогательный глагол не теряет при этом видовых и залоговых значений. В тех же случаях, когда связочное значение в сказуемом выражается не вспомогательным глаголом, а связкой, утратившей грамматическое значение действия и не имеющей глагольных категорий вида и залога, из предикативных наречий при помощи связки как служебного слова образуется категория состояния как особая часть речи с аналитическим оформлением. При этом при отсутствии дательного субъекта в аналитической форме слов категории состояния удерживается в какой-то мере и экзистенциальное значение.

Вот ряд примеров подобного употребления слов категории состояния со связкой прошедшего и будущего времени, в которой удерживается наряду со служебным и экзистенциальное значение, или без связки, значимое отсутствие которой служит не только средством выражения настоящего времени, но и утверждением наличия определенного состояния, передаваемого знаменательной частью аналитической формы слов категории состояния:

«Было тихо и уныло» (Чехов, Попрыгунья); «Уже поздно» (Чехов, Володя большой и Володя маленький); «Скучно, скучно, скучно!» (Чехов, Учитель словесности); «Как хорошо! — думал он. — Как хорошо!» (Чехов, Архиерей); «И он с жадностью ел и все повторял: — Ах, как вкусно! Ты попробуй!» (Чехов, Крыжовник); «— И долго ты у них пробудешь? — Не думаю. Чай, скучно будет» (Тургенев, Отцы и дети).

Бессубъектные конструкции с бессвязочным употреблением слов категории состояния близки к номинативным предложениям, в которых утверждается наличие чего-либо в реальной действительности (ср. *Тишина* и *Тихо*; *Ветер* и *Ветрено* и т. п.). Этим объясняется возможность соотносительного употребления в определенных контекстах предложений, формируемых словами категории состояния с экзистенциальным

значением, и номинативных предложений. Вот примеры из произведений Чехова:

«Площадка для крокета. В глубине направо дом с большой террасой, налево видно озеро, в котором, отражаясь, сверкает солнце. Цветники. Полдень. Жарко» («Чайка», ремарка); «И щ и к: Постой... Жарко... Событие необычайнейшее. Приехали ко мне англичане и нашли в земле какую-то белую глину...» («Вишневый сад»).

Экзистенциальное значение сказуемых, выражаемых словами категории состояния, конкретизируется обстоятельствами места, времени, образа действия:

«В саду было тихо и тепло» («Верочка»); «Л о п а х и н: Холодно здесь чертовски» («Вишневый сад»); «Хорошо у вас здесь! — сказала Ольга, крестясь на дерковь» («Мужики»); «В их большом каменном доме было просторно и летом прохладно...» («Ионыч»).

Отличие аналитических форм категории состояния от наречий отчетливо выявляется при их сочетании с примыкающими к ним наречиями:

«Было нестерпимо жарко и душно» («Хористка»).

В подобных случаях, так же как и при глаголах, наречие выступает в качестве средства синтаксической характеристики слов категории состояния.

Синтаксическая соотносительность слов категории состояния экзистенциального значения с глаголами выражается также в широкой возможности их объединения в составе сложносочиненных и бессоюзных предложений:

«В комнате было темно, но лампадка перед образом уже не горела» (Чехов, Нахлебники); «В саду было тихо, прохладно, и темные покойные тени лежали на земле» (Чехов, Невеста); «Спать не хотелось, на душе было непокойно, тяжело» (там же).

При сочетании слов категории состояния с дательным субъекта отчетливее выступает служебная функция связки (или ее значимого отсутствия) как морфемы времени и наклонения в составе аналитической формы. Знаменательная часть аналитической формы становится основным средством выражения состояния, приписываемого какому-либо субъекту. Приведу несколько примеров в различных временных значениях:

«Как тебе не стыдно, Евгений...» (Тургенев, Отцы и дети); «И жутко ему было, и сладко, и ни о чем он не жалел, и ничего не берег» (Тургенев, Дым); «— Думайте, что хотите, но мне будет скучно, когда вы уедете» (Тургенев, Отцы и дети); «А вам стыдно, господин Чечевичин!» (Чехов, Мальчики); «Мне нехорошо... — сказал за дверью Дымов...» (Чехов, Попрыгувья); «— Скучно вам с нашим братом» (Чехов, Палата № 6); «И ему было грустно, очень грустно!» (Чехов, Степь); «Должно быть, и подводчикам было жутко» (там же); «— Когда все будешь знать, тебе на всякой стезе легко будет» (там же).

Слова категории состояния могут выражать состояние определенно-го субъекта и при отсутствии обозначения его формой дательного падежа. В таких случаях вся синтаксическая конструкция, в которую входит слово категории состояния, должна квалифицироваться как неполное по своей структуре безличное предложение¹. Вот некоторые примеры,

¹ По классификации, намеченной И. А. Половой, подобные предложения следует отнести к ситуативным неполносоставным предложениям с неназванным дополнением

типичные для слов категории состояния при употреблении их без связки в форме настоящего времени:

«— Скучно; работать хочется, а здесь нельзя» (Тургенев, Отцы и дети); «— Стыдно, Петр Петрович!» (Чехов, Дом с мезонином); «В самом деле неловко. Я — учитель словесности, а до сих пор еще не читал Лессинга» (Чехов, Учитель словесности).

Как случаи субъектного употребления слов категории состояния следует рассматривать и все случаи примыкания к ним зависимого инфинитива, будет ли налицо дательный субъект или его не будет в составе предложения. Ведь инфинитив всегда есть выражение действия, приписываемого какому-либо, хотя и потенциальному субъекту¹. Как правильно отмечено Е. М. Галкиной-Федорук², конструкции с постпозитивным инфинитивом, примыкающим к словам категории состояния, всегда выражают субъективную оценку, а не простую констатацию факта.

Вот несколько почерпнутых из произведений Чехова примеров такого по существу «субъектного» употребления слов категории состояния с примыкающим к ним инфинитивом, при отсутствии в составе предложения дательного субъекта.

«Е п и х о д о в: Как приятно играть на мандолине!» («Вишневым сад»); «— Должно быть, совестно жениться... — думал Гриша. — Ужасно совестно!» («Кухарка женится»); «Неужели не скучно быть простым, ничем не замечательным, неизвестным человеком, да еще с таким помятым лицом и с дурными манерами?» («Попрыгунья»).

Зависимость постпозитивного инфинитива от слов категории состояния отчетливо выделяется в подобных конструкциях при наличии дательного субъекта:

«Ляптеву было уже неприятно оставаться подолгу дома» («Три года»); «Ему было тепло стоять около дьячихи» («Ведьма»); «Вот хорошо бы и ему, старику, совсем отказаться от мяса, от разных излишеств» («Печенег»).

В тех случаях, когда инфинитив, обычно в препозиции, получает синтаксическую функцию подлежащего, слово категории состояния остается сказуемым, которое не имеет формы ни лица, ни рода и, не согласуясь с подлежащим, только координируется с ним. Вот примеры из произведений Чехова:

«Даже слушать скучно» («Черный монах»); «Работать было трудно; дивень портил все, что мы успевали сделать» («Моя жизнь»); «Да-с, — говорил Иван Абрамыч, задумчиво глядя в окно. — Жениться никогда не поздно» («Печенег»); «Вспоминать о вчерашней своей слабости ему не было стыдно» («Палата № 6»); «Дома и хворать легче, и жить дешевле; и недаром говорится: дома стены помогают» («Мужики»); «Опять молчание. С жадной полосою несется тихая песня, которая обрывается в самом начале. Жарко петь...» («Егерь»); «А н д р е й: По-моему, и участвовать в дуэли, и присутствовать на ней, хотя бы в качестве врача, просто безразлично» («Три сестры»).

¹ См. И. А. Попова, Неполные предложения в современном русском языке, «Труды Ин-та языкознания [АН СССР]», т. II, М., 1953, стр. 39).

² См. В. В. Виноградов, Русский язык, стр. 430.

³ См. Е. М. Галкина-Федорук, Безличные предложения с безличнопредикативными словами на «о», стр. 83.

Видеть в безлично-предикативных словах, сочетающихся с подлежащими-инфинитивами, краткие формы прилагательных препятствует отсутствие в подобных формах основного признака прилагательных — родоизменяемости. С другой стороны, выдвигание инфинитива в синтаксическую позицию подлежащего приводит только к синтаксической конверсии¹ слов категории состояния и поэтому не может привести к образованию в качестве грамматического омонима новой части речи — кратко-прилагательного. Поэтому и попытка Пешковского установить своего рода грамматическое соотношение между функцией инфинитива и грамматической природой предикативных форм на -о² не правомерна, так как основывается на предположении, что в одних случаях мы можем иметь дело с краткими прилагательными, а в других — с предикативными наречиями. В связи с этим следует решительно отграничивать от слов категории состояния омонимическое им краткие прилагательные, употребляемые в сказуемом главной части сложного предложения с придаточными предложениями, выполняющими смысловую и синтаксическую роль отсутствующего подлежащего:

«...Известно, что наши губернские города горят через каждые пять лет» (Тургенев, Отцы и дети); «Слышно, как на ключ запирают все двери, как потом отъезжают экипажи» (Чехов, Вишневый сад, ремарка); «По лицу его видно было, что он хотел говорить и ждал для этого удобной минуты» (Чехов, Доктор); ср.: «Лица его не было видно» (там же); «Знаешь, очень возможно, что мне предложат приват-доцентуру по общей патологии» (Чехов, Попрыгунья); ср.: «Но Елена Николаевна! Разве ее возможно понять?» (Тургенев, Накануне).

При словах категории состояния в сходной синтаксической позиции придаточные предложения выполняют не функцию подлежащего, а только раскрывают и разъясняют содержание главной части сложного предложения. Вот примеры из произведений Чехова:

«Ему было досадно, что его не оставляют в покое люди» («Палата № 6»); ср.: «Ей было досадно на себя» («Володя большой и Володя маленький»); «Ему было обидно, что за его больше чем двадцатилетнюю службу ему не дали ни пенсии, ни единовременного пособия» («Палата № 6»); ср.: «Ей уже было жаль своих вещей, которые она сгоряча отдала, и было обидно» («Хористка»); «Хорошо, если бы брызнул дождь!» («Степь»); ср.: «Имеет человек жизни зацепку — и хорошо ему» («Печенег»).

Не могут быть включены в систему слов категории состояния и краткие страдательные причастия в безличном их употреблении, так как они, сохраняя залоговое, видовое и глагольное временное значение (значение перфекта, плюсквамперфекта), не перестали быть формами глагола. Например:

«Возле блюбочка недоеденное яблоко, ножницы и тарелка, в которую приказано класть ореховую скорлупу» (Чехов, Детвора); «Вероятно, ей, как самой образованной в доме, было поручено встретить и принять доктора...» (Чехов, Случай из практики).

¹ Синтаксическая конверсия противопоставляется морфологической конверсии, приводящей к образованию новой части речи с особой парадигматической схемой (ср. А. И. Смирницкий, По поводу конверсии в английском языке, «Ин. яз. в шк.», 1954, № 3).

² См. А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, 6-е изд., М., 1938, стр. 327; ср. В. В. Виноградов, Русский язык, стр. 412.

Другую продуктивную группу слов категории состояния представляют собою безлично-предикативные слова модального значения, не имеющие омонимических форм наречий (*надо, нужно, можно, нельзя, угодно* и т. п.), а также получающие модальное значение имени существительные (*пора, лень, охота* и т. п.), выпадающие из парадигматической схемы склонения и усваивающие себе парадигматическую схему грамматического изменения времени. Для данной серии слов категории состояния особенно продуктивно употребление их с зависимым от них инфинитивом, когда модальное значение слов категории состояния не осложняется каким-либо конкретным содержанием, так как это содержание выражается инфинитивом. Здесь возможны два случая.

В конструкциях с дательным субъекта слова категории состояния оказываются в двусторонней синтаксической связи, причем их связь с инфинитивом в составе сказуемого оказывается более тесной, чем их конструктивная связь с дополнением.

«Мне нужно поговорить с вами, Иван Алексееч...!» (Чехов, Верочка); «В а р я: Студенту надо быть умным» (Чехов, Вишневы сад); «Нам надобно теперь тесно сойтись друг с другом, узнать друг друга хорошеенько, не правда ли?» (Тургенев, Отцы и дети); «Итак, вам угодно спорить, — извольте» (там же); «Солнце село, и мне пора было идти домой» (Тургенев, Ася); «Костер горел уже не так ярко, и каждому было лень встать и подложить хворосту» (Чехов, Дуэль); «И что вам за охота жить в городе летом!» (Тургенев, Накауне).

При отсутствии дательного субъекта слова категории состояния с модальным значением находятся в односторонней и поэтому еще более тесной связи с инфинитивом. Вот примеры из произведений Чехова:

«Надо молчать об этом... Надо не подавать вида» («Попрыгунья»); «Нужно бороться с собой» («Припадок»); «Разве можно давать детям деньги? И разве можно позволять им играть в азартные игры?» («Детвора»); «И нельзя было понять, в чем ее горе» («В родном углу»); «Нет, ничего уже нельзя сделать! — вздохнул хозяин» («Каштанка»); «А в одежде спать нельзя. От этого одежде портится. Спать надо в постели, раздевшись...» («Учитель словесности»); «Однако, пора спать, — сказал Буркин, поднимаясь» («Крыжовник»); «Грех убивать, грех, — что и говорить» («Печенег»); «С обывателей лил пот, как с засяженных лошадей, и на них же засыхал; лень было вытирать» («Брожение умов»); «— Охота же иметь такие картины!» («Три года»).

При отсутствии инфинитива вся синтаксическая конструкция, в которую входят слова категории состояния с зависимыми от них словами, воспринимается как неполная и получает то или иное содержание в зависимости от контекста:

«Дальнейших объяснений не нужно» (Тургенев, Отцы и дети); «Вам Ольгу Ивановну нужно?» (Чехов, Попрыгунья); «— Нам, старикам, на отдых пора» (Чехов, Палата № 6).

Примечательно, что слова категории состояния с модальным значением, в отличие от слов первой группы, могут получать значение сослагательного наклонения и в бессвязочной форме настоящего времени¹.

¹ Это отмечает и А. В. Исаченко: «Die Entwicklung der sogenannten Prädikativa in den slawischen Sprachen» (см. «Slavisten-Tagung in Berlin 11—13 November 1954», Résumés, стр. 26).

Вот примеры из произведений Чехова:

«Нам надо бы прошение подать» («Печенег»); «Т р о ф и м о в: Надо перестать восхищаться собой. Надо бы только работать» («Вишневый сад»); «Она давно уже ушла, и пора бы ей вернуться» (Чехов, Спать хочется).

Среди слов категории состояния с модальным значением выделяются по своему значению лексические варианты *жаль* и *жалко*, выражающие чувство сожаления по отношению к кому-либо, чему-либо. В качестве слов категории состояния или (в сочетании с вспомогательными глаголами) в качестве предикативных наречий *жаль* и *жалко* выступают в безличных конструкциях, сочетаясь с дательным субъекта или, в случаях его отсутствия, сохраняя значение отнесенности к субъекту. Они характеризуются широким синтаксическим употреблением: и с зависимым инфинитивом, и с управляемым существительным или местоимением в значении объекта, и с зависимым от слова категории состояния придаточным дополнительным предложением.

а) С дополнением в винительном или родительном падеже:

«—Мне твою мать особенно жалко» (Тургенев, Отцы и дети); «„Жаль и Кати!“—шепнул Аркадий в подушку, на которую уже капнула слеза...» (там же).

б) С зависимым инфинитивом:

«Аркадию стало жалко расстаться с своею дамой: он так хорошо провел с ней около часа!» (Тургенев, Отцы и дети); «Не жалко было умирать, но как только дома он увидел скрипку, у него сжалось сердце и стало жалко» (Чехов, Скрипка Ротшильда); «—Ах, как мне жаль тебя отпускать, — сказала Ольга Ивановна, и слезы навернулись у нее на глазах» (Чехов, Попрыгунья).

в) С придаточным дополнительным предложением:

«— Жаль, что помешал» (Тургенев, Отцы и дети); «„Жаль, что я не умею природу описывать“, — подумал Васильев...» (Чехов, Припадок).

Подытожим кратко сделанные нами наблюдения.

1. Словам категории состояния свойственно грамматическое изменение времени и наклона, и поэтому они не могут рассматриваться как слова неизменяемые в собственном смысле этого слова.

2. В составе безлично-предикативных слов слова категории состояния характеризуются определенной грамматической сочетаемостью (сочетанием с дательным лица, инфинитивом, особой формой придаточности).

3. Первой ступенью в оформлении слов категории состояния являются предикативные наречия, входящие в состав сказуемого безличного предложения в сочетании с вспомогательными глаголами.

4. Связка, входящая в состав аналитической формы категории состояния, сохраняет экзистенциальное значение, если слово категории состояния не вступает в конструктивную связь с дательным субъекта.

5. В конструкции с дательным субъекта в словах категории состояния отчетливо выступает собственно служебная функция связки как морфемы времени и наклона, а знаменательная часть аналитической формы

слов категории состояния становится основным средством выражения состояния, приписываемого какому-либо субъекту.

6. Слова категории состояния могут вступать в составе предложения в сочетании не только с зависимым, но и с независимым инфинитивом, получающим функцию подлежащего.

7. Нет достаточного основания включать в состав слов категории состояния не употребляемые в полных формах прилагательные *рад, горазд* и т. п., так как им, кроме грамматического изменения времени и наклона, свойственно также грамматическое изменение рода, и по этому морфологическому признаку они не отличаются от кратких прилагательных.

8. Нет основания объединять со словами категории состояния краткие прилагательные, употребляемые в конструкции с придаточными подлежащими предложениями, а также включать в состав слов категории состояния краткие страдательные причастия в безличном употреблении, так как они сохраняют залоговые и видовые значения, отсутствующие у слов категории состояния.

9. Особую группу слов категории состояния представляют безлично-предикативные слова с модальным лексическим значением (*надо, можно, пора* и т. п.), особенно продуктивные в конструкциях с зависимым инфинитивом.